

Расшифровка интервью

Дата: 17.08.2021

00:00:06

Фатима, расскажите, пожалуйста, про семью вашей мамы. Из какой она была семьи?

Вот я же и разговариваю, рассказываю, что они были из зажиточной семьи. Все работали, все были женаты, замужем. Это только вот эта мамина младшая сестра, когда раскулачивали, ее тоже посадили девушкой. Мама уже была замужем, вот отец. Он из простой семьи, тоже с Нижнего Чегем[a]. Чегем, знаете, Чегем есть такой, с Нижнего [Чегема], с простой семьи. У него предки только, предки, прапрадед у него грузин. Он сбежал от кровной мести, а там есть перевал, и через перевал перешел в село балкарское и женился на балкарской девушке. И пошло. И вот он, мама вышла за него замуж, а уже в 1930-х, когда началась репрессия, он ушел из семьи, просто завел другую семью, всё. Мама осталась с четырьмя детьми. Вот эти. Вот этих маминых братьев при Калмыкове всех репрессировали, посадили. Все почти не вернулись, один вернулся. Но вот этого самого старшего, он просто, когда революция была, 1918-й, 1919-й, 1920-й, тогда что-то случилось, его убили. А это все, вот эти все, они все были в выселках. Все там умерли, только вернулся, сейчас скажу, один. Вот этот. Вернулся, 10 лет просидев, он вернулся и даже попал в депортацию балкарцев и в Казахстане умер. А остальные все погибли в тюрьме. Тетя моя вернулась эта. Она выходила замуж, вышла замуж, родила мальчика и всё время жила с мамой. У нас всё время, у мамы, с мамой. Ну, две сестры родные, они вместе жили. Вот так. А потом началась война. Забрали его в 1941-м году, и всё, и пропал без вести.

00:03:24

А кто это?

А?

00:03:26

Кто это?

Это вот самый старший сын мамин. Это старший брат мой. Саурби его звать. Вот. Он так и пропал, сколько писали, спрашивали, даже вот она ездила во Владивосток. Он сперва во Владивостоке был, потом их отвезли, видно, на фронт, и там... В каком фронте, никто не знает. В общем, без вести, без вести. В 1943 году пропал без вести. А где, так и не указано.

00:04:07

И до сих пор вы ничего не знаете?

Да, до сих пор. Дома вот такая пачка бумаг, что писали, писали, писали, туда-сюда. Никаких известий. Пропал без вести. Ну что сказать, вот сейчас показывали Краснодар, сколько выкопали могил, и детей, и взрослых. Ну, в общем. А это непонятно, на каком фронте был и что случилось. Никто не знает.

00:04:40

Бедная ваша мама, сколько ей всего пришлось...

Да.

00:04:43

А она из дворянской семьи была?

А?

00:04:45

Она из дворянского рода какого-то была?

Ну да. Она считается, вот эта фамилия Гелястановы считается хорошей фамилией. Ну, не самая высокая, ну, средняя, но хорошая фамилия. Вот так. Вот это вот мама. Они двойняшки с братом родились. А это младшая сестра мамина. Что дальше вас интересует?

00:05:18

А расскажите про раскулачивание родственников по линии мамы.

Это я [нрзб] не знаю. Вот раскулачили их, выслали. Я говорю, как маму оставили, что ее не посадили? Вот интересно. Потому что сестру младшую посадили. Ну, видно, кто-то пожалел: дети. Вот так.

00:05:49

Четверо детей всё-таки, да?

Да. А раскулачивание — я не знаю, не видела. Просто мама рассказывала, что, говорит, у них и лошади были, скотина ж была. На лошадь, говорит, садится военный, ну, красноармеец или кто, а лошадь его сбрасывает. А один стоит, брат, и говорит: «Опля, опля». Пока он так говорил, они его побии, что он так говорит. «Опа, — говорит, — упал. Опа, упал».

00:06:26

Кто побил?

Выселили. Что сделаешь? Про выселение мамы особенно... Я у нее спрашиваю: «Мама, вы с такой семьи. И сережки, наверное, и колечки, и всё. А где?» Она говорит: «А я собирала, относила, деньги давали, я вас кормила. Всё, нету». Пришлось, такое время, потому что братьев нет, всех посадили, помо[щ]и нет. Вот так.

00:07:08

А отец?

А отец женился на другой женщине и жил там своей семьей.

00:07:16

Он испугался?

Нет, он не помогал ничем.

00:07:21

Ему предложили партию?

А, там...

00:07:28

Расскажите про это.

Да, там... Так говорили, что предложили. Или раз она с такой семьи. Спасал свою душу. Что теперь делать? Себя спасал. Всё нормально. Вот такие...

00:07:52

А кто ему предложил?

А?

00:07:54

А кто ему предложил партию или семью?

Ну там, где работал. Работал судьей.

00:08:08

А можете про это поподробнее рассказать?

А?

00:08:10

Можете поподробнее про это рассказать, откуда это вам известно?

Это я подробнее не знаю и не хочу говорить, потому что остался от их, от второй семьи один

брат, он обижается. Не надо об этом говорить. Он обижается, что про отца говорят такое. Ну не надо говорить про него. Ничего не будем. Ушел и ушел.

00:08:38

А потом вы видели папу своего?

А?

00:08:40

Папу своего потом видели? Вы с ним общались?

Видела, видела, видела. Видела уже когда, когда уже работала, вот тогда видела. Он приходил, проводывал. Видела. А так особенно близки не были. Я не росла при нем, так что говорить не о чем было.

00:09:09

А мама что за человек была по характеру?

Она бедная, неграмотная была, но практичная, хорошая женщина. Хорошая мать. До сих пор всё время, пока [не] умерла, всё ждала, что он вернется.

00:09:33

Сына ждала?

Да. Всё: «Вы написали? Вы написали? Вы написали?» Я говорю: «Написали, мама, написали. Пришло: без вести пропал, без вести». Ну что делать? Пропал и пропал.

00:09:46

А мама замуж не вышла снова?

Нет, нет. Какой там замуж? Уже в 1943 году... Она в девятом классе ушла, с девятого класса шла когда, ее арестовали. Арестовал, такой был Макитов, если читали вот в этой статье. Он ей предлагал доносить, понимаете, сексотом быть. Она сказала нет и поделилась с подругой. А этот Макитов, он в НКВД работал, он к этой подруге: «Она тебе сказала, что?..» — «Да, она мне говорила». И вот он ее арестовал: «Ты раскрыла, ты секреты раскрыла». И арестовал ее. «Пойдем поговорим». Завел ее — и всё, и не выпустил. Вот что она перенесла в тюрьме. Она говорила, на вопрос, на допрос водили — лампу в глаза. Ну сами знаете, чтобы это... И спрашивали: «Когда немцы были, кто приходил к вам? Кто говорил, что говорил?» Она говорила: «Никто не приходил. А кто придет?» «А вот без конца допросы делали, а я ничего не говорила, — говорит. — Я не знала. Ну чего, девчонка в девятом классе». А потом в 1944-м... Е[е] осенью арестовали, а нас в марте выселяли, депортировали. Самое интересное, балкарцев выселяли 8 марта, в праздники. Карачаевцев выселяли, по-моему, в ноябре, раньше еще, 7 ноября. Нет, это чеченцев. Я забыла. 23 февраля тоже праздник, 23-е же, да?

00:12:17

Да.

Выселяли, по-моему, чеченцев. По праздникам. Почему? Не знаю. И вот когда нас выселяли, она была в тюрьме. И там заболела, бедная, тифом. Тогда же что было? А потом ее повезли на депортацию в тюрьму в Норильск. В Норильске они ехали в поезде, а потом в поезде ехали, а потом пароходом ехали. Вот когда она в поезде ехала, она после болезни очень слабая лежала, ну, очень слабая. Говорит, там парень молодой, охраняющий. Спрашивает: «А что с девчонкой?» — говорит. А там женщины, которые везли тоже: «Да, — говорит, — она переболела, ей бы покушать молока, кислого молока, булочку, хлебушка». Он на остановке вышел, купил и принес ей. Она говорит: «Он меня спас». Молодой парень, охраняющий, жалко, видно, стало. А потом говорит.

00:13:39

Это из энкавэдэшников?

А?

00:13:40

Он энкавэдэшником был?

Ну да, охраняющий, да, охраняющий. Молодой, видно, пожалел. Она говорит: «Вот он меня спас». А потом теплоходом в Норильск везли их. А в Норильске вначале команда покушает, а остатки давали арестантам. Она идет, а капитан, говорит, стоит и смотрит, как они идут. Он спрашивает: «Девочка, а ты за что сидишь?» Она говорит: «Я не знаю». Он говорит: «Господи!» Вот так за голову взялся. И вот она три года просидела в Норильске. Просидела в Норильске. Это уже война закончилось, это закончилось, потом ее выпустили. И вот когда она приехала в Казахстан, мы жили тогда в Киргизии, она приехала, потом мы как-то, вот это не помню, перебрались в Казахстан. Мамина сестра жила в Казахстане, каким-то образом нам разрешили, мы переехали к сестре. И вот когда вернулись мы в Нальчик, она пошла в НКВД и спросила: «Вот мне надо документ, чтобы я получила». Ну знаете, да? А он посмотрел, говорит: «А вас же выпустили». «Как выпустили? А в Норильске кто, — говорит, — был?» Потому что суд когда проходил в Нальчике, то там говорили, всё время откладывали: нету дела, нету, не о чем говорить. И всё-таки ее отправили в Норильск. И вот она приехала, потом работала, в Джамбульской области жили, так называемая, Меркенский район, а там сахарный завод работал. И там и брат работал, и она работала. А потом поступила она, хотела поступить, учиться. Но я сказала, ее не приняли в Алма-Ате за то, что... Ну, определенное количество репрессированных принимают, а [ее] не приняли. Но она поступила в Чимкенте в техникум и закончила. Потом работала. А когда мы приехали сюда, она здесь работала в Министерстве сельского хозяйства, [нрзб] потребсоюзе, в Статуправлении, преподавала статистику в университете, потому что некому было преподавать, ты, говорит, грамотная, пойдй передай студентам. Вот такие вот дела. Репрессия... Бедная, от того, что она в тюрьме была, где-то лежала, у нее очень болела спина. Ну, держалась. Она такая вот, знаете, стойкая была женщина. Вот такие вот дела.

00:17:22

Расскажите еще раз, сколько детей было в вашей семье и как их звали.

В нашей семье? В нашей семье, в маминой, да? Ну, четверо было, этот не вернулся. Про нее рассказала. Про него. Он поступил, Исхак, он поступил в университет, закончил с отличием и поступил на работу, как это, место работы, железобетонных изделий начальником цеха. Так хорошо работал, что орден Красного Знамени ему дали. И очень хвалили, очень в почете был всегда. И всегда смеялся, говорит: «Как только праздник, там, 7 [Ноября] 1 Мая, я собираю своих рабочих, говорю: “Надо приходить на демонстрацию”. А там спрашивает один...» Его Исхак звать, а почему-то его Саша звали. Говорит: «Александр Джабраилович, а когда светлое будущее наступит?» Он говорит: «Наступит, наступит. Светлое будущее в конце туннеля. Вот дойдем туда своими железками — и будет». Вот так вот. А потом он так долго работал там, всё получил, всё нормально, но потом заболел.

00:18:59

А где вы родились? В каком месте вы родились?

Родились мы все в Нальчике. Все в Нальчике родились. И Саурби родился в Нальчике, и Азиза, и я. Здесь же, в Нальчике, в городе. Жили мы на Советской улице, свой дом был. Хорошенький домик, весь в сирени. Всё в сирени кругом, садик был у нас там и домик. Вот так мы жили, и оттуда нас и выслали. А как выселяли, так это вообще.

00:19:38

Расскажите подробнее.

Ну, это произошло ночью. Она в тюрьме была.

00:19:47

Кто она?

Сестра. Как раз она, в 1943-м посадили, а в 1944-м, вот как раз выселяли когда... По-моему, два было военных. Два человека военных: «Собирайтесь». Ну, короче говоря, один говорит... А он еще, ему сколько было? Семнадцать или шестнадцать. Ему говорят: «Парень, ты возьми, если есть картошка, возьми картошку, возьми кукурузу, если есть мешок, я погружу». Ну, так машина грузовая, сами знаете. Ну что? Ну, туда загрузили, привезли на станцию, а там уже стояли вагоны, ну как они называются, крытые, закрытые, не такие вагоны, как сейчас.

00:20:52

Товарные?

Да.

00:20:54

Скажите, сколько вам лет тогда было?

Так, сейчас скажу, я 1933 года рождения. Ну, скажите, мне тоже было семь? Да, одиннадцать, двенадцать, я всё помню. И вот это выгрузили, вещи, а погружать же надо в вагон. Один идет и говорит: «А вот это что?» Ногой, значит, картошку это. А он говорит, ему говорит мама: «Это продукт». «Нечего, — говорит, — везти продукт». А мама нашла этого лейтенантика и говорит: «Хотят выбросить». Он говорит: «Ничего, сейчас поговорю». Он говорит: «А сколько у вас детей?» Ему сказал когда про него, что сын старший на фронте, а вы меня выселяете. Он говорит: «Сын на фронте, что ты, пускай везут». И вот поселили, и пошло, поехали, поехали, а через Урал строили мост, его только построили. И пробного не было, чтобы пройти через мост. И вот там, говорит, спрашивают, вот такой состав, ну, груженный же он, весь балкарский народ там, говорит: «Непроверенный мост, можно ехать?» Ему сказали: «Езжайте, если провалится, туда им и дорога». Ну, проехали. Проехали, привезли на какую-то станцию, нас погрузили, в общем, короче, привезли в киргизское село, под горы, там горы, под горы, туда. И там мы, там поселили домик, такой какой-то дырявый, крыша дырявая, четыре или пять семей там где-то заткнули.

00:23:15

А ваш дом был красивый? Сирень [нрзб], вы рассказывали.

Наш дом хороший, ну, наш дом, там жила женщина потом, мы когда приехали назад, жила там женщина и наши вещи еще, наши комоды, наши шифоньеры, всё еще там стояло. Ничего не дали. Ничего.

00:23:41

А что это за женщина такая?

А женщина была управляющая жилфондом. В любовниках ходил прокурор. И было такое, что кто там сказал: «Вы что, у вас там пристройка, вы хоть в пристройку свою заселитесь, что вы?» А поселили нас, когда мы вернулись в Нальчик, в Вольном Ауле там была эта... Палатки, в палатки, и мы в палатке с марта месяца до ноября были. А потом по квартирам.

00:24:39

Да как же столько?.. Восемь месяцев...

По квартирам, по квартирам три-четыре года. Дом не вернули, а дом, мы хотели заселиться, так это целая история. Приехали туда, хотели заселиться, она вызвала милицию. И брата, брат тогда, и Азиза была, Азизу опять посадили на месяц, брата били, а я бегала с кулаками, говорю: «Отпустите, что вы делаете?» Да, такое было. Потом даже этот милиционер один, здоровый, метра два с половиной, наверное, было. Я по спине его кулаком, что мои кулаки? «Отпусти, — говорю, — его, что ты его крутишь?» Короче говоря, нас оттуда опять-таки вытурили. Даже из-за того, что мы вселялись, суд был, на суде все смеялись, когда сказали: вот она била этого милиционера. А на меня посмотрели: «Да она, — говорит, — ему по колено». С моим ростом. Отпустили сразу прямо с суда, сказали: это такая ерунда. Дом, короче, не вернули. Но она добилась того, что эту женщину оттуда выселили. Выселили. А потом сказали, что будут этот дом продавать. И вот и мама, и Азиза ходили, говорили: «Продайте нам. Нам продайте». Нам не продали, продали... Тогда проспект Ленина строился и частные дома выселяли. И там купили муж с женой пожилые. Мама еще пошла, сказала: «Не покупай, если ты не купишь, нам продадут». «Да нет, — говорит, — мой муж хочет на земле. Там дворик хороший, там сирень, там садик». Ну, через некоторое время она встретила и сказала маме, эта женщина: «Ты правильно сказала, не надо было вселяться туда. Мой муж умер».

00:27:13

В этом доме?

В этом доме. «Надо было оставить, чтобы вы вселились туда». Я говорю: «Ну что?» Ну, вот так вот три года, три-четыре года по квартирам. Потом еле-еле добились эту хрущевку на проспекте, еле-еле — и то она добилась. Писали-писали, писали-писали, просили-просили. Но был такой председатель Совета министров Ахохов, очень хороший человек был. Азиза к нему, она тогда в министерстве работала, она к нему зайдет и говорит, забыла, как его имя, отчество, извините. Мол, вот так вот. Он говорит: «Вот дом построят, вам дадут, я уже распорядился». Дом один построили, нам не дали. Она опять пришла, говорит: «Почему?» Он вызвал, тот, кто

распожарался этими квартирами. Он говорит: «Мы давали им квартиру». Она говорит, а он спросил: «А где вы давали?» Бараки. Азиза говорит: «В бараках сами живите». Ну, короче, на следующий, потом построили этот дом, где мы, я сейчас живу. Ну, хрущевка.

00:28:39

А компенсации за ваш дом никакой не дали потом?

Ничего не дали нам. Ничего. Абсолютно. Там и земля была, там и домик был, ничего. Там потом снесли дома эти, снесли, там какие-то жактовские дома были. Построили баню. Сейчас баня стоит, по-моему, никто там, никто не ходит, не знаю, там что делается.

00:29:07

А дом сохранился в настоящем времени?

Нет, ничего нету.

00:29:09

А сколько комнат там было?

Так, я скажу. Раз, два, три комнаты было. Три комнаты было. Кухня отдельно была, знаете, как пристрочка такая, вот так. Три комнаты было.

00:29:27

А кто вам тогда предложил в пристрочке жить, когда вы вернулись?

Это соседи, которые раньше с нами жили там, ну, сказали: «Ну вы в эту пристройку устройтесь хоть, поживете». Пристроились, целая битва была.

00:29:47

Обидно было тогда? Обидно вам было тогда?

Ну, еще как обидно, еще как обидно! Я еще пошла к прокурору и говорю: «Вот что вы сделали, почему?» — «Ну вы же хотели дом». Я говорю: «Хотели». Ну, вот про нее: «Вот она в доме же живет». Она месяц там в этом КПЗ. Я говорю: «Я вам такое же желаю».

00:30:15

Это так пошутил, да?

Это пошутил он, да. Но он долго не прожил тоже. А этого милиционера, который говорил, что я его била, его на базаре женщины разодрали в куски. Было, было однажды, ну да, буча была на базаре там, в основном кабардинки. Не знаю, что он там сделал, там была, в общем, битва какая-то. Я не видела, но об этом говорили, его там убили, этого милиционера.

00:30:55

В смысле насмерть забили?

Да. Вот такая вот была драка. Кабардинцы напали на милиционеров, а этого здорового там прибили. Да, такое было. А за что, я даже не знаю, что на базаре было, кто его знает. Я не была там, только слухи шли, и всё. Вот так.

00:31:20

А почему вашу семью выселили?

Ну почему — балкарцев выселяли, мы балкарцы, вот и выслали.

00:31:31

А что это за дело Ако Гемуева было?

Вот это я не знаю. Это вот мамина сестра, у него или... Ако Гемуев — это был же в правительстве Бетала Калмыкова. Но он за правду, я не знаю, почему его арестовали. Тогда тоже вот, 1938-е, 1939-е года вот это вот. А за что — это надо историю где-то читать. А я не знаю сейчас.

00:32:17

И его арестовали и потом, как я понимаю...

Расстреляли. По-моему, в Ростове Гемуева расстреляли, да.

00:32:28

И это за собой какую-то цепочку событий дальше потянуло?

Я не знаю. У него осталась семья, была, сыновья были. Но я их не знаю.

00:32:42

А преследования балкарцев с чего начались?

А преследовать... С чего началось, да, сказать. Ну, сами понимаете, кабардинский народ совсем другой, а в правительстве были кабардинцы и балкарцы. Балкарцы не смогли отстоять свой народ, а кабардинец предал. И всё. Ведь же говорили, что много в селе, особенно в Верхней Балкарии, там абреки, мол, балкарцы то делают, сё делают, ничего не делали. Это ужасно. А в 1943-м, по-моему, году одно село совсем же расстреляли, вот где-то книжка была.

00:33:48

Балкарское, да?

Да. Расстреляли там балкарцев. Было такое, было, НКВД, войско НКВД пришло, сказали: «Здесь предатели, надо убивать». А там лежали вернувшиеся с фронта военные, в смысле, балкарец, ну, больной, после ранения. Он сказал: «Я после ранения с фронта вернулся». «Это не имеет значения», — сказали. Такое вот было в Верхней Балкарии. Это надо книжку найти, почитать, всё там.

00:34:26

Да, я поищу, поищу.

Да, очень много, да.

00:34:29

А не помните, как называлось это село?

Я не помню.

00:34:32

Ну ладно, я потом почитаю.

Я хочу еще сказать, как же его фамилия, господи? В Москве, который по космосу. Сейчас. Энеевы. Если слышали, Энеев такой. Вот был, он работал тоже в правительстве Калмыкова, и ему в один прекрасный день сказали, Энееву, что «тебя хотят арестовать». А он застрелился. Сам. Это мне мама рассказывала. Он застрелился сам. А вот этого Энеева, который был в Москве по космосу, мальчиком его забрал Орджоникидзе. И жена у него была русская, жену туда забрал он. А вот эта вот женщина, вот эта, как раз тетя этому Энееву, который работал по космосу. Он недавно умер, по-моему. Знаменитый Энеев, да. В охране был. Это я знаю, мама рассказывала. А так... Почему началось, что, мол, Гемуев, он же говорил, что неправильно делается что-то, в смысле надо за правду бороться, не надо людей притеснять. Ну, значит, не понравилось правительству. Это точно я не знаю. Там такое дело.

00:36:54

И это стали называть «гемуевщина», да? Вроде бы.

А?

00:36:58

«Гемуевщина» стали называть.

Да, вот говорили «гемуевщина» и многих арестовали тогда же. Вот «гемуевщина», да. И вот сестра же сидела тоже как «гемуевщина». Она, собственно, чего? Ничего не делала. Тоже не такая грамотная она была.

00:37:17

Еще раз поподробнее расскажите мне, что такое «гемуевщина».

Я не знаю.

00:37:23

Ну вот своими словами, как вы это понимали тогда?

Ну, я понимаю, что то, что он был в правительстве, это одно, и то, что около него люди были, он, видно, говорил им, что надо так делать, надо так делать. Видно, Калмыкову не очень нравилось.

00:37:48

То есть верхушка не поделила власть, а пострадали обычные люди?

Ну, в смысле, против правительства. И поэтому арестовали его. Да. Я толком хорошо не знаю, потому что...

00:38:05

А ваша семья не была с ним знакома лично?

А?

00:38:08

Ваша семья не была с ним знакома лично?

Не поняла.

00:38:13

Лично с Ако?

Знаком был. Почему он приходил к маме, приходил, да, приходил и разговаривал с мамой. Человек был такой покладистый.

00:38:34

Расскажите, откуда они были знакомы.

Не знаю.

00:38:42

Они были друзьями или родственниками?

Нет, вы знаете, Ако был, по-моему, Гемуев, не очень богатой семьи. И когда он учился, ему помогало всё село. Он, по-моему, с Нижнего Чегема, по-моему, так вот. Это вот так вот, помогало. Тогда знакомы, наверное, не были, я не знаю.

00:39:14

А вы лично его видели, нет?

Нет.

00:39:21

Но он приходил к вам, в вашу семью?

Мама говорила, приходил, да, приходил.

00:39:28

А мама не боялась, что ее тоже могут забрать?

Ну, как-то не боялась. Дело в том, что у мамы дети, а Калмыкова жена, первая жена у него была кабардинка, вторая жена у него была русская. Она заведовала Домом пионеров, и там ходила Азиза, и она знала маму. Мама ее знала. Она была, между прочим, вторая его жена, вот эта русская, она была из дворянской семьи у Калмыкова. Я говорю, я всё удивляюсь, как маму

не арестовали. Нас бы забрали в детдома, всё такое. Нет, ну, не тронули. Ну, еще тот, его жена, Калмыкова, видно, и Калмыков решил не трогать с детьми, вот так вот.

00:40:48

Думаете, только из-за личного знакомства?

Я думаю, только из-за личного знакомства. А так мама что? Она ничего нигде не вмешивалась абсолютно. Она ж неграмотная была. Я говорю: «Мама ты как, — потом, — а что ты фамилию свою взяла, оставила отцовскую фамилию?» «Дети, вы на ее фамилии, документы на фамилии. Да ладно, — говорит. — Пускай будет». Я говорю: «Твоя фамилия красивая, Гелястановы». Она говорит: «Ну ничего».

00:41:32

А мама эмоциональным человеком была?

Да, ну она была... Она, между прочим, всегда говорила: «Вот у вашего отца четверо там детей. Вы должны с ними знакомиться. Всё-таки у вас фамилия одна, отец один». Я говорю: «Они не очень хотят». — «Ну вы постарайтесь». Она хотела, чтобы, значит, знали друг друга.

00:42:05

Расскажите еще поподробнее про ночь, когда вас выселяли. Как это всё проходило? Кто пришел к вам? Что говорили?

Никто не пришел. Говорят, потом, уже когда мы вернулись, говорили, соседи. Кое-какие соседи, там оставалась, например, швейная машинка «Зингер». Соседи, кто-то смог чего-то, ну, в общем, растащили, что осталось? Такие дела.

00:42:48

А как само выселение проходило? Еще раз расскажите поподробнее. Как вас из дома выселяли?

Про выселение, вот эту ночь я помню, ну, погрузили, повезли. Больше ничего не помню.

00:43:05

Ну вот вы спали, да? Это ночь была?

Ну, это время я не знаю, во сколько. Ну, была ночь. А ночью, значит, разбудили. Это 8 марта. Погрузили, вывезли.

00:43:22

К вам постучал кто-то, да, ночью?

Да.

00:43:25

И это энкавэдэшники, они зашли в дом, да?

Да, вошли в дом и сказали: так, и так, и так, и так, выселяем. Мама плакала и сказала: «Что ж я с детьми, двое детей, остальных — одна сидит, один на фронте». Они поэтому пожалели, картошку, кукурузу, такое вот это. «Берите, берите, — говорят, — мы поможем там». Ну, что сделаешь? А потом, когда в Киргизию привезли, там же люди стали умирать, особенно дети, с такими животами, кушать нечего. Траву какую-то кушают. Мама, там все переболели тифом, и вот когда брат заболел тифом, мама каким-то образом смогла увезти персидский ковер, она, да, она вот этот персидский ковер, пошла купила, вот такая кастрюлька, кислое молоко, муки, отдала персидский ковер, говорит: «Возьмите, дайте только мне, сына надо спасать». Вот кислым молоком она его спасала, он выздоровел, я заболела, мама заболела. Ну, к счастью, мы не умерли. А так много, очень много поумирало, очень много, особенно дети, голодные, кушать нечего. И потом там этот колхоз выделил муки, распоряжение было такое. А они, значит, полмуки туда насыпали пыли, пыль там в Казахстане мелкая-мелкая, ее кушать невозможно было. Кто-то спек, хотел [есть], а там песок.

00:45:47

Кошмар.

Да. Вот такое было. Это так в Киргизии было, да.

00:45:51

Зачем они так сделали?

Ну, украли молоко, муку. Украсть надо было. Вот такие вот дела. Да.

00:46:04

А что еще мама с собой смогла забрать из дома?

Ну, а что у нее? Потом она... Что она могла забрать? Что было, она всё потом променяла, я уж не помню. И что интересно, что у нас было, там же комендатура, она же наблюдала за людьми. Вот комендант через каждый, через день, через два приходил и везде лазил, что нравилось, брал и уходил. Ну, энкаведэшник. Да. Так было.

00:46:45

И к вам тоже так приходили?

Да, приходил. Вот в Казахстане там на квартире жили у одного киргиза, в Киргизии вначале. Вот там он ходил проверять, на месте мы или не на месте.

00:47:07

И что он мог вот так вот забрать?

Ну, какую-нибудь тряпочку, тряпочка, может, какая-нибудь понравилась. Что мама смогла, то взяла, этот лейтенант разрешил. «Берите, — говорит, — берите, всё пригодится». Вот он всё брал, то, что ему понравится, то и брал. Лазил по чемоданам по этим. Такое было. Вот так вот. А его, в 17 лет его забрали на работу во Фрунзе. Вот он рассказывал — на стройку, строили там. Вот он говорил, там чечены, ингуши, крымские татары. «Мы, — говорит, — все под дулом ходили на работу, под охраной». А там половина не умели разговаривать по-русски. И вот он там работал, заболел там, еле мама его тогда вылечила.

00:48:18

Мама у вас героическая, конечно, женщина.

Да. А потом мы переехали из этой Киргизии. Вот когда она вернулась, она добилась, она такая умница была, она добилась того, чтобы мы переехали к маминой сестре уже в Казахстан, Южный Казахстан, Джамбульская область, Меркенский район и сахарный завод. И там было поспокойнее жить, хотя там тоже была комендатура.

00:48:53

Расскажите, какие у вас отношения с сестрой были? Начиная с детства.

Очень хорошие, нормальные. Нормальные, хорошие. Она любила меня. Умирала... Она вот умирала, я говорю: «Ты меня одну оставляешь». Она говорит: «Фаризочка тебя посмотрит, сама за собой следи, ты у меня умница, ты у меня хорошая, бедная».

00:49:45

Вы с сестрой, получается...

Она [нрзб], она умная женщина была такая, практичная, умная. Я не такая, я такая... Очень слабый человек, сразу в слезы.

00:50:06

Разве слезы — это слабость?

Да, да.

00:50:11

Мне кажется, слезы — это не слабость совсем.

Помню, что всё... Ярких таких не помню. Я знаю, что вот он работал в редакции и писал стихи, так родственник воровал у него, на себя писал. Был такой родственник, был такой.

00:50:40

Стихи?

Да, стихи. Его стихи, он напишет, сказано, написать в газете, он в газете работал. Так тот у него брал и под своим именем писал. Ну, остались, были стихи дома, но когда выселяли, остались там же в доме. Пропало всё.

00:51:10

А обыск какой-то был там?

А?

00:51:12

Обыск какой-то был при выселении?

Нет, не было.

00:51:16

А вещи они сразу забирали? Прямо при вас?

Да, да, да. Никакого обыска не было. Просто сказали: «Собирайте вещи» — и всё. Ну, увидели: мама немолодая уже и двое детей, эта в тюрьме, этот на фронте, и всё. Там они ничего не трогали, ничего. Потом разворовали, чего там говорить, и унесли, что там кому надо. Потому что даже в селах всё, что пооставалось, столько скотины осталось, столько добра, это же всё... Особенно близлежащие села кабардинские хорошо наворовали, набрали, и скотину, и то, и то, и то. Это было.

00:52:09

А вы как себя вели в момент выселения? Вы плакали?

Нормально. Да я ж чего, девчонка. Нормально. Потом вот в Джембульской области, в Мерке, я там в школу пошла, закончила семь классов. Семь классов я закончила там. И поступать, мне сестра говорит: «Давай я тебя отправлю в Джембул в школу фельдшеров». А надо было брать у коменданта разрешение. Пошли, взяли, он разрешил. Вот едешь сдавать экзамены, если сдашь там, то поступишь. Ну, я поехала. И пока там сдавала экзамены, а у меня была еще малярия. Да, вот эта малярия была. Я там, приступ малярии у меня был, там скорую помощь, спасали там меня, да. Ну, я сдала экзамены, и мне сказали: «1 сентября на учебу». Потому что там определенное количество репрессированных приняли. И вот я, значит, приехала домой и говорю Азизе, я говорю: так и так. Она: «Ну вот хорошо, я тебя 1 сентября отправлю». Она работала на заводе сахарном. К 1 сентября ехать, пошли к коменданту, а он не дает направления, разрешение не дает на выезд. Там же как, каждый месяц ходишь расписываешься, что ты здесь, никуда не делся. Просили-просили, не дал. Тогда сестра говорит, она рискованная такая, говорит: «Да плюнь. Давай я тебя посажу в поезд, поедешь и будешь учиться». Хорошо. Поехала. На работу, ой, на работу, на учебу. Прошел месяц. И вдруг меня вызывают. Таковую-то, говорят, вызвали, кто-то пришел. Прихожу, а там из того места, где мы жили, приехал энкавэдэшник. И говорит: «Ты такая-то?» Я говорю: «Я такая-то, да». А я чего? Ростом, сами знаете. У меня косички. Девчонка. «Ага, — говорит, — дезертир». Я говорю: «Ну что теперь делать?» И, значит, пошли. Ну пошли. Пошли, там в Джембуле тоже комендатура, там же тоже спецпереселенцев много было. Привел меня, значит, в эту комендатуру и говорит: «Я привел дезертира». А там сидел мужчина после фронта, ну, тоже военный. Сидит, на меня так посмотрел, говорит: «Ладно, ты свободен, иди, привел и привел». И тот ушел. Он говорит: «Чего удрала с места?» Я говорю: «Удрала». «Только, — говорит, — не плачь. Иди занимайся. Занимаешься?» Я говорю: «Занимаюсь». — «Иди, занимайся. Только, не я придумал, извини, приходи и каждый месяц расписывайся». Вот у меня была подруга, сейчас я вам покажу ее. Вот эта вот подруга. Мы вместе жили у ее тети. Мы вместе ходили. Она говорит, вот она живет в Георгиевске, я у них была, она говорит: «Я как вспомню, как мы с тобой ходили, ты расписывалась». И вот там этот мужчина же после войны посмотрел на меня: «Иди, — говорит, — занимайся. Ничего страшного. Будешь приходить и расписываться». Вот такое вот было. Это я так училась.

00:56:40

На кого вы учились?

На фельдшера, это фельдшерско-акушерская школа. Я работала. Потом меня послали на работу. Я закончила. В Талды-Курганской области, в колхозе в каком-то работала.

00:57:00

А акушером не работали?

Там и акушером, и фельдшером, и всем работала. Там один сидит в селе. А потом уже, когда пятьдесят... Хрущев когда пришел-то, это он же разрешил вернуться. Тогда я приехала домой, в Мерке, это назывался, где сахарный [завод], Меркенский район. А потом, когда в 1957 году приехали в Нальчик, тоже поездом ехали. Тоже много народу было. Ну, тогда нормально было ехать. Никто не охранял, никто ничего не делал.

00:57:49

А как вам сообщили, что вы можете уехать?

А?

00:57:53

Как вам сказали, что вы больше можете не...

Объяснили. А там казахи очень сожалели, потому что сказали, очень хорошо работают. Очень, говорят, порядочные люди, спокойные, скотоводы хорошие, нам, говорят, такие нужны. Даже сам президент их говорил: «Я дам вам место, сделаю автономию, будет Балкарская автономная. Живите, мне нравится этот народ». Ну там сейчас тоже много осталось, там много. Кто-то замуж повыходил, за киргизов, за казахов повыходили. Там осталось много. Приезжали, говорили, на хороших работах там. Сейчас много балкарцев там. Особенно в Казахстане. И в Киргизии тоже есть. Потом уже приехали, я уже рассказывала, как мы тут устраивались.

00:58:58

Расскажите еще поподробнее, как вы ехали туда, сколько занимала дорога?

Когда репрессировали?

00:59:05

Да.

Вот это я не могу сказать вам. Сколько дней ехали? Не знаю. Не могу сказать, сколько дней ехали.

00:59:19

Месяц, меньше?

Наверное, меньше. Не помню. Вот это не могу сказать.

00:59:29

А в вагоне сколько человек было?

Битком забито. По дороге умирали же старики, много умирало, выносили. Куда закапывали, неизвестно.

00:59:46

А что ели в дороге?

А?

00:59:48

Чем питались в дороге?

Что-то там давали. Вот не помню, что мы кушали, даже не помню, что мы кушали. Может быть, что-то прихватили с собой. Из памяти вышло.

01:00:09

Может, вот как раз кукурузу, что-то вы там, хлеб какой-то собрали в мешок. Нет?

Нет. Воду давали. Рыбу какую-то давали, по-моему. Что-то такое давали, я не помню.

01:00:25

Не соленую рыбу? А то они еще любили так издеваться, дать соленой рыбы, чтобы человек пить хотел, и воду не давали.

Да, да, да. Понимаешь, по дороге пожилые, старики умирали по дороге. Еще хорошо, нас в южную сторону [повезли], в южную, Киргизия южная же страна, и Казахстан в южной. А вот чеченов очень много выслали в Северный Казахстан, а там они тоже очень много умирали, их хоронить не могли, их снегом закапывали, и всё. Очень много, где мы жили, много чеченов, ингушей, татар, крымские татары, немцы, немцы, российские немцы, всех же выслали, российских немцев выслали, вот у нас в Кабардино-Балкарии есть Александровка. Она была немецкая колонка. Вот немецкую колонку, а такая была чистенькая, домики хорошенькие, а их в 1941 году, как только война началась, их сразу выслали. Это немцев.

01:02:02

А местные жители были в этом поселении?

Ну, конечно, конечно.

01:02:07

А много их было?

Не знаю, сколько там было, но были, конечно.

01:02:13

А как они относились к ссыльным, местные?

Нормально, всё нормально. Между прочим, когда мы приехали в Киргизию, в первые особенно дни, тяжело было. Одному сказали, что приехали людоеды. Одному, говорит, худому парню говорят: «Иди посмотри, какие они». Он пошел, походил, поговорил. Говорит: «Нет, они нормальные, только они некрасивые, у них глаза большие». Они же все киргизы такие. «Нет, — говорит, — они нормальные». А потом они нормально относились, вообще-то, что киргизы, что казахи, они неплохие люди, неплохие, и относились неплохо, что могли, делали.

01:03:24

А в школу вы там пошли, да?

Да.

01:03:29

Помните тот день, когда вы пошли?

Что?

01:03:31

Помните тот день, когда в школу пошли?

А! В Киргизии, в Казах[стане]? А, в Мерке я пошла в школу, в Мерке. Помню, помню.

01:03:46

Вам нравилось учиться?

Нормально, там преподавали, между прочим, преподавали русские в основном. Тоже кулаки, раскулаченные которые, знаете, там же. Они преподавали, хорошие преподаватели русского языка вот были, у меня где-то фотография была их. Русские преподавали в основном. В основном. Я не помню... Один киргиз. Нет. Это уже в фельдшерской школе когда мы учились, в основном были карачаевцы, я балкарка была, там греки были, девушки, в школе в фельдшерской. Русские там были, одна казашка была в группе. А нам казахский язык преподавали. И этот казах говорит: «Как тебе не стыдно? Ты казашка — и плохо пишешь по-казахски, говоришь плохо». Она говорит: «А чего мне стыдиться? Русские вон тоже с ошибками пишут». Вот так связь. Она одна была в группе, представляете, в Казахстане она одна была казашка у нас, остальные там разноцветные. Даже где-то есть фотографии. Я покажу.

01:05:22

Давайте мы фотографии потом запишем, чтобы камеры не переставлять.

Вот это вот.

01:05:29

Давайте пока вот так вот оставим, пусть у нас вот так будет. А в комсомол...

Был комсомол, да. Была и в комсомоле, была. Ну а что делать, заставляли. Ну что делать? В комсомоле была, была. Ну что делать?

01:05:47

А самой хотелось? В душе хотелось?

Да, домой хотелось. Еще как, вспоминалась вот эта сирень, а у нас как — во дворе сирень, и белая, и вот такая, во дворе и на улице, вот так вокруг дома, вокруг ворота зеленые. Вот до сих пор как-то еще кто сохранился, говорят: «Я помню, какая красивая была сирень у вас». Это вспоминалось. Двор вспоминался. Всё время девчонки, мальчишки приходили, играли, там у нас во дворе было. Во дворе стоял тутовник, вот такой вот. Это вот всё вспоминалось, и, конечно, хотелось.

01:06:42

Домой.

Да, хотелось, но не получилось. И приехали — в результате ничего.

01:06:48

А что еще вспоминали в ссылке про ту жизнь в Нальчике?

Да, вспоминала.

01:06:54

Что вспоминали еще?

Да что вспоминать?

01:07:01

Для вас разделилась жизнь на до и после ссылки? Вот сильно?

Да, да. Потом, когда мы приехали сюда, я же говорю, пока по квартирам, работы нету, в палатках жили. Работы нет, того нет. Потом по квартирам же жили. И вот сестра почему в Министерство сельского хозяйства попала. Она идет, а у нас балкарец один, полковник, после фронта, они с мамой идут, говорит: «Что такие унылые?» Она говорит: «Да на работу не принимают, прописки нет. Только приехали, сами знаете». Он говорит: «Идемте, я вам помогу». И он пришел в Министерство [сельского] хозяйства, там заведовал министр, был кабардинец, очень хороший человек. Он посмотрел, говорит: «С удовольствием возьму эту девушку на работу». Послал ее в отдел кадров, а отдел кадров говорит: «Нет, я не могу, у вас в прописке ничего нет». А он говорит, этот министр: «Голову не морочьте, запишите как есть, она будет приходить на работу». Вот этот полковник, забыла фамилию его, когда вернулся с фронта, приехал, народа своего нет, семьи нет. Он пришел и говорит: «Где мой народ? Я полковник, имею ордена. Я столько лет был там на фронте, где моя семья?» А ему сказали: «А мы и тебя туда отправим». А он табуреткой по башке того. И дали ему 10 лет. Да, ему дали 10 лет, но он не просидел, тут началась катавасия: Сталин умер, Хрущев пришел, всех вернули, и он вернулся, такой дядька хороший был, высокий, красивый полковник.

01:09:32

А вы день смерти Сталина помните?

А?

01:09:34

День смерти Сталина помните?

Помню.

01:09:36

Расскажите про это поподробнее.

Я еще училась в фельдшерской школе, и на практику нас послали, забыла, в какое-то село, не помню, неважно. Там на практику в больницу. И вот мы там на практике. И тут всё время, что Сталин лежит, болеет, всё время же говорили об этом. Я молчу, ничего не говорю. А мы, нам прямо в больнице дали комнатку, и мы три девушки там были, ночевали. И когда он умер, он какого числа умер? Я даже не помню.

01:10:23

В марте?

В марте он умер. Да, в марте. Он умер, и потом был митинг. Собрали всех, всех-всех-всех. И мы стоим, студенты, и народу полно, а хирург был тоже репрессированный, мужчина. Тот стоит, на нас: «Тихо», — говорит. А там выступают же. Женщины выступают, в обморок падают. Умер. А там врач какой-то вышел: «Умер? [нрзб]». И падает. И вот его держали. Слушай, а мне смешно стало. А я не могу, рот затыкаю. А потом, когда вернулись, мы в больницу зашли, я дверь закрыла, меня смех разобрал, как они падали в обморок. Женщина стоит: «Ой, милый. Ой. Умер такой». А ее сзади держат. Вот это вот митинг я хорошо помню. Я потом хирургу говорю: «Ну как?» Он говорит: «Ну, умер и умер, туда ему и дорога». Ну и что делать? Это так было. Вот это я помню. Прямо митинги, такое вот. Рыдают все, плачут, а мы стоим, а нам этот врач: «Молчите. А то посадят».

01:12:15

Боялись вот вы?

А?

01:12:16

Боялись, что могут посадить?

Всё может быть, в то время такое было, сами знаете.

01:12:23

Мама не говорила вам: «Осторожничай, не болтай»? Что-нибудь такое, какие-то указания такого рода давала? Нет?

Мама моя вообще, конечно...

01:12:45

А после того, как братьев расстреляли?

Маминых? Вот эти вот.

01:12:50

Над мамой тоже угроза какая-то нависла?

Их расстреляли, их не расстреляли, их посадили. Дали сроки по 10, по сколько лет, и они в тюрьме умерли. Один только вернулся. И всё. И вот эта мамина сестра вернулась, и всё. А остальные, там они погибли. Тогда ходила мама в НКВД и просила результаты. И там писали, тот умер от чего-то, другой умер от инсульта, другой от чего-то, ну такие. Ну, конечно, поумирали.

01:13:32

Думаете, умерли, а не расстреляли?

Писали, да.

01:13:37

Понятно. После того как их забрали, мама тоже переживала, что могут за ней прийти? Или нет?

Вот это вот она не говорила. Как их забрали, не знаю. Арестовали, увезли.

01:13:57

А после XX съезда, помните XX съезд?

Ну, это Хрущевский.

01:14:04

Да. Вот про это тоже расскажите. Как вы это всё воспринимали?

Никак. Я даже, ну, когда он, его выступление, ругал Сталина, я помню, что после вот этих выступлений он же очень много освободил репрессированных. Много. И даже, я помню, показывали по телевизору, как люди шли после [нрзб], чемоданчик такой, наверное, знаете, такой, раньше какие были. Эти репрессированные, выпускали их. После сталинских репрессий выпускали.

01:15:13

Благодарны ему?

Ну конечно. Конечно. Вот поэтому вернулся и мамин Юсуф-Хаджи, да. Юсуф-Хаджи. Вот он вернулся после 10 лет. Ну, освободили уже его, он вернулся, в Казахстане умер, бедный. Ну, уже пожилой был. Так что...

01:15:43

Сильно его лагерь поломал?

А?

01:15:45

Лагерь сильно его изменил?

Да, да, да. И не рассказывал ничего про лагерь. Сказал: «Тяжело было, тяжело». Не смог вылезти, да.

01:16:05

Расскажите еще поподробнее про вашу сестру. Да, про Азизу. Она на сколько старше была лет вас?

На 10.

01:16:16

Она для вас была прям старшей-старшей сестрой.

Потому что между нами был еще вот брат. Между нами был.

01:16:25

Как так получилось, что ее тогда задержал энкавэдэшник? Вот расскажите еще раз поподробнее.

Понимаете, вот он... Немцы были в Нальчике в 1942 году, а под 1943-й их, по-моему, вытурили. А он, вот этот Макитов, балкарец, он сам балкарец, парень, он работал в НКВД. Ну, кем он работал, агентом или кем он работал, черт его знает. Вот он пристал к ней, что «во время прихода немцев кто к вам приходил?» Ну, вроде немцы или какие-то, которые были раньше, уезжали, потом вернулись. Она говорит: «Никто, я никого не знаю, никто не приходил». А действительно, настолько я это помню, я не помню, чтобы кто-то к нам приходил такой, чтобы это... «А немцы к вам ходили, что они говорили?» А что немцы к нам будут приходиться? Ну чего к старой женщине с детьми будут приходиться? Она на всё отвечала, что «я ничего не знаю, никто не приходил». А это ему, видно, не нравилось. Он всё говорил: «Ты комсомолка, вот ты должна мне доносить про людей, которые...» Ну, сами понимаете.

01:18:03

Которые что?

Доносить. Она говорит: «Я ничего не знаю». Ну что, девчонка в девятом классе что должна знать про кого-то, кому приходят, кого... А они всех спрашивали. Всех знакомых, кто приходил, к ним кто приходил, она говорит: «Не знаю».

01:18:26

То есть он ее вербовал?

Вот, и даже... Она пожаловалась своей подруге, русская была, Нина, такая. А тот, видно, допонял, этот Макитов, и пошел, и у ней спросил: «Она тебе рассказала?» Она говорит: «Да». А та тоже могла бы сказать нет, а испугалась чего-то. Так он, когда она шла со школы, это был октябрь, по-моему...

01:18:59

Простите, пожалуйста, можете ее именем называть? Азиза.

Азиза шла со школы, он ее остановил, говорит: «Я хочу с тобой поговорить». Она: «Ну говори». — «Нет, здесь неудобно, пойдем поговорим». Завел ее в НКВД и не выпустил. И вот все: пропала Азиза. Пропала. И мама плачет, мама инфаркт получила тогда. Бедная, так переживала. Бегали-бегали: куда делась девчонка, никто не знает. А был один балкарец, хороший мужик, он тоже работал там в НКВД, таким простым каким-то. Он только сообщил, говорит: «Не плачьте. Она живая, но она в тюрьме». И вот представьте себе. И она там осталась. Это был 1943-й. Вот она просидела 1943-го по пятьдесят... Какой год это был, когда она вернулась? Сталин умер в 1953-м?

01:20:20

Да.

Ну вот в 1954-м или 1955-м она вернулась. Это с 1943-го, считай, так.

01:20:28

12 лет.

Нашла нас в Киргизии. Там по пути кого-то вс[третила], ее же тоже отправили оттуда не в Нальчик, а тоже в Киргизию: «Ищите своих родных». И вот она каким-то образом встретила каких-то балкарцев. «Я, — говорит, — слышала, что они в таком селе». И вот она туда и приехала тогда. Колхоз киргизский тогда был, и вот она туда приехала.

01:21:04

То есть вы 12 лет ничего про нее не знали?

Да, вот 12, считай, что ее не было, да.

01:21:10

Расскажите, какой она была до лагеря и какой она вернулась. По внешности, по характеру.

Вернулась она... Это фотография, не знаю, это какой год. Нет, это не тот. Это не прочитаю. Но вернулась она нормальная, вернулась, конечно, повзрослевшая, поумневшая, всё повидавшая.

01:22:01

А помните встречу с сестрой после лагеря?

Я ее встречала на лошади. Да, я ее встречала в начале села на лошади, залезла на лошадь и... Меня посадили на лошадь, и я на лошади ее встречала. Еще мама кричит: «Ты что залезла? Сейчас упадешь». Привезли вот так. А потом она добилась, что мы переехали.

01:22:34

А как сама встреча прошла?

Ну, как же, плакали, обнимались. Да, что было, всё было. Да, что еще интересного рассказать? Я что помню.

01:22:55

И вот вы встретились, сестра про лагерь когда начала вам рассказывать?

Она приехала, всё рассказала, да, в лагере что было. Но в Норильске, в лагере, она работала учетчиком. Она говорит, что «там нас не охраняли, сама охрана и была кругом, сама зона, а вот украинских, там было много украинских арестованных, а их под охраной всё время водили, этих предателей украинских. А нас нет, мы ходили свободно по зоне, но выйти в город мы не

могли, конечно».

01:23:42

Что она про лагерь еще рассказывала?

Про лагерь она говорила, там много было людей, много карачаевцев, много балкарцев. Вот она потом... Людей, говорит, много было, очень много. Про лагерь говорит: «Там я учетчиком работала». Ну, ничего, раз в школе училась, значит, будешь учетчиком. Ну, ничего. Она черненькая, глаза карие. Она говорит, в Чимкенте она когда училась, в сельскохозяйственн[ом] технику[ме], потому что на другое не могла попасть, сами понимаете, тогда. Вот подруга у нее была Элла. «Вот идем, — говорит, — по базару, Элла где-то застряла, я кричу: “Эля, Эля!” А ко мне подходит старик и по-гречески разговаривает. Я сказала: “Извините, я не понимаю”. А он: “Как стыдно отказываться от своей нации в такое тяжелое время! Вы сейчас по-гречески разговаривали, ‘эля’ — это ‘иди сюда’”». Она говорит: «Извините, я балкарка, тоже репрессированная». Он: «Ой, тогда извини, детка, извини. Я пожилой мужчина. Я посмотрел, ты черненькая, похожа на нас». Она говорит: «Да, я тоже, я балкарка. Эля — это моя подруга, звать ее так». Он говорит: «Вот, понятно».

01:25:34

А сестра не любила про лагерь вспоминать?

А?

01:25:36

Сестра не любила вспоминать про лагерь?

Вспоминала. Ну, вот даже она когда болела, последние когда дни лежала, она мне говорит: «Фатечка, подойди». Я [говорю]: «Чего?» — «Я не в тюрьме?» Вот. Понимаешь? Она говорит: «Я не в тюрьме лежу?» «Да ты что, — говорю, — Азизочка, вот смотри, твой ковер, твоя кровать, шифоньер, вот зеркало твое, что ты покупала». — «Да? А я думала, что я в тюрьме». Вот воспоминание, понимаете, такое вот у нее было. «А я думала, что я... — говорит. — Я не в тюрьме?» Я говорю: «Нет». Ну, так вот было. Даже вот Макса Шахвурзова узнала, когда он пришел. Она уже тяжелая была, говорит: «Макс пришел, спасибо». А буквально 8 апреля у нее день рождения, и пришли с организации, с администрации поздравлять. Я говорю: «Девочки, извините, она очень тяжело больна». — «Ну ничего, она еще живая». Я говорю: «Да живая пока». Постельное белье там дали, еще что-то, забыла, какой-то подарочек такой, сладости какие-то дали. Я говорю: «Да, спасибо». А она умерла тогда через 16-го или 17-го, уже забыла. Через... 16-го умерла она.

01:27:38

А что еще Азиза рассказывала про лагерь? Вот я читала в газете, что волосы, что женщина какая-то там косы свои от стресса потеряла.

А, это косы? Ага, это была такая Ахохова Зурият. У нее племянница здесь, она рассказывала. Она... Вот был у нас председатель Совета министров Ахохов в то время, когда мы приехали, вот она была замужем за его братом, что ли. Она сама балкарка, Ахматова. Но жила она хорошо. Муж у нее, это Ахохов, давно умер, и жила она хорошо. Вот ее тоже арестовал этот Макитов. И когда она, говорит, в тюрьме была, от переживаний в какой-то камере, а там какая-то лужа, что ли, и вот что-то, говорит, там колышется, она посмотрела, тронула, у нее косы были, косы выпали от переживаний. Это вот Ахохова, да. Она потом... Что интересно, Ирина, вы не поверите, когда она вернулась, ей дали квартиру. Она, по-моему, на третьем или на каком-то этаже жила. Вот ее дверь — и рядом этому Макитову дали квартиру. Рядом. Она всегда говорила маме, говорит: «Я если его увижу, я, наверное, сразу умру. Вот это ж надо, его видеть рядом. Никак... Это ж кто ж мне такое устроил?» Я говорю, я говорю: «Зурият, а ты внимания не обращай на него». «Да мне хотелось бы его убить», — говорит.

01:30:02

Так они и жили рядом?

Да, ну, она потом умерла, она уже постарше была. Он там так и жил, так и жил, пока не умер. Пока не умер. Как одна соседка наша с соседнего подъезда, тоже терпеть его [не могла], говорит: «Какой нехороший человек! Я с окна смотрю, а этот Макитов идет, сел на скамеечку — и вдруг упал. А я в окно смотрю и думаю: дай бог, чтоб ты не поднялся, дай бог, чтоб ты не поднялся. Стою и молю, — говорит. — Нет, он карабкался, карабкался, на скамейку залез. Сидел-сидел и пошел». Она говорит: «Тьфу! Я думала, что ты там сдохнешь». Не любили его,

народ.

01:30:57

А как вы думаете, что Азизе помогло выжить в лагере?

Ну, выжить, она в лагере уже была более спокойной, там находила, видно, чем-то кормили, видно. Ну, смогла выжить, еще молодая была, значит, силы были, поэтому выжила. А так если бы в тюрьме, в Нальчике, говорит, очень плохо было, очень плохо кормили, очень плохо кормили. Она говорит: «Разносят бурду эту», — ну, суп, не суп, что там разносят, а по соседству у нас жили тоже сестры с братом, забыла, как его звать. Хороший такой мужчина. Его тоже арестовали, не знаю, за что, это я не знаю, а он разносил бурду. И он когда открыл: «Бурду, — говорит, — возьмите». Увидел ее: «Ой, Азизка, а тебя все ищут-ищут-ищут, где ты, господи, за что?» А ему там энкавэдэшник говорит: «Иди давай, хватит, раздал и хватит причитать». Вот так было. Она когда вернулась, пошла ж получать документ, ей сказали: «Вас же выпустили». Потому что уже три или четыре раза в суд направляли, а суд сказал: нету дела, не за что зацепиться. И всё-таки вот эта Тройка дала ей три года в Норильск. За что — неизвестно. Решили, раз она сидит, пусть едет дальше.

01:32:59

А какую статью тогда ей приписали?

Не знаю, не знаю. Ну, статью, это всё говорил, за секреты, он, она секретами, говорила постороннему человеку. Какие секреты? Что ты заставлял ее сексотить. Вот и всё.

01:33:25

А допросы как проходили, она рассказывала?

На допросы ее ночью вызывали. Ночью — и лампу в глаза. И спрашивали, кто приходил, зачем приходил, кто ходил к тем, кто ходил к тем, что могла она. «Я, — говорит, — и говорила: ничего не знаю». Вот так.

01:33:52

Ночью, чтобы помучить.

Выпустили, вот показывает, говорит, вот тут, в Нальчике. Это ей пришлось писать в Красноярск, чтобы получить документ, что она отсидела. Ну, чтоб документ получить.

01:34:09

А ей предлагали вину признать?

А?

01:34:12

Вину признать предлагали?

Ей?

01:34:16

Да. Заставляли ее?

Она не говорила. А какую? Она говорит: «Никакой вины у меня нет, я ничего не признавала. Ничего». Вот поэтому эта Тройка решила ее так.

01:34:33

И вы все 12 лет ничего про нее не знали с мамой?

А?

01:34:37

Вы все 12 лет ничего с мамой про нее не знали?

Нет.

01:34:43

Или какие-то новости приходили?

Какие-то, по-моему, были письма, я вот не помню уже. Что сделаешь, уже возраст такой, что я не помню.

01:34:55

Но вы знали, где Азиза находится?

Нет, мы знали, что она в Норильске. Знали. Она, видно, написала, всё-таки написала. Как-то получила... Вот эту перипетию, вот вылетела из головы — и всё. Ничего не помню.

01:35:20

Понятно. Пионером вы были в школе?

Не помню.

01:35:29

Не помните? А как вы вообще к молодежным комсомольским организациям?..

[В] комсомоле я была, а пионером, нет, по-моему, не была я пионером. Галстук...

01:35:40

А в школе как складывались отношения?

Нормально. Я же говорю, в школе преподавали русские. Нормально всё было.

01:35:50

А никогда не дразнил никто врагом народа?

Нет, нет, нет.

01:35:54

Не было никогда? Не чувствовали никогда себя немного не такой, как все?

Ну, чувствовала, конечно. Ну, потому что, почему чувствовала, и в школе, и в училище полно репрессированных было, поэтому никто друг на друга ничего не говорил. Как у нас гречанка была одна, забыла, как ее звать. Ей вопрос задают, ну, там, а было холодно зимой, она в платке, она ухо так открыла: «А? Говорите, подсказывайте». Нет, потому что репрессированных много было, хоть и... И в училище много было, и в школе много было. Так что...

01:36:53

А Азиза не стеснялась никогда, что была в лагере?

Нет, не стеснялась. Ничего. А что она стесняться будет? Ни за что. Ни за что. Потому что тут даже вот в Нальчике ничего, говорит, не нашли. Три-четыре раза в суд подавали дело ее, чтобы... Ничего нету, ничего. Возвращали, возвращали.

01:37:26

А кого она винила?

Вот этого Макитова и винила. Про этого Макитова и винила. Про него столько статей. Между прочим, он не только Азизу. Он столько молодежи погубил, что даже есть статья «Без срока давности», есть такая статья у меня дома. Там пишут участники войны, что вот таких, вот таких, вот таких, молодежь — шестнадцати-, семнадцати-, восемнадцатилетних — он сам расстреливал. Сам. И даже, говорит, на стенке написано: «За это отомстите Макитову».

01:38:14

А как Азиза к Сталину относилась?

Да как относиться она могла? Плохо, конечно. Чего хорошего? Чего хорошего, если мамину семью раскулачили, считай, погибли все. Мама одна осталась, сидела, сестра, бедная, была в тюрьме, но ее быстро выпустили. Ничего хорошего.

- 01:38:47 **А после смерти Сталина вы надеялись, что жизнь будет гораздо лучше?**
- Ну, при Хрущеве-то началось. Ну, ничего вроде, начали жить как-то. Потом, когда квартиру получили, полегче стало, жили.
- 01:39:05 **А не приходилось никогда скрывать о том, что вы репрессированы?**
- Нет. Ничего не скрывали. А чего скрывать? Живем в Кабардино-Балкарии. Кабардинцев, пожалуйста, тоже сколько хочешь репрессированных. Сколько хочешь. Вон, Макс репрессированный.
- 01:39:30 **А кто виноват в том, что вас выселили?**
- Я же говорю, что вот в правительстве были, балкарское правительство, там занимали хорошие посты кабардинцы, во главе стоял кабардинец. Ну, там решили, когда ездили в Ростов, по-моему, что-то решали. Наши не смогли защитить балкарский народ. А кабардинец — наоборот. Что вот они такие, вот они там абреки, вот они там дезертиры и всё такое. А дезертиров полно кабардинцев было.
- 01:40:22 **Я некоторые вопросы повторяю, чтобы мы потом выбрали лучший вариант вашего ответа. Хорошо?**
- Ну хорошо. Ага. Так что такие дела были, да. Что еще интересно?
- 01:40:39 **Про дорогу ничего не вспомнили, как вы ехали туда, на высылку?**
- Ехали, ехали, не помню. Вот помню, через мост, я рассказывала. Про мост. А почему-то разнеслось по всему этому. Про мост я это знаю.
- 01:41:03 **В вагоне были только дети и женщины?**
- Почему? Все там, и женщины, и старики, и мужчины, все были. Ну, мужчины какие? Более-менее которые были в армии, на фронте. Пожилые в основном были, пожилые.
- 01:41:24 **Еще раз скажите, как называлось вот это киргизское поселение, куда вас сначала привезли?**
- Ой, как же это?.. Это киргизское, забыла, как называется этот колхоз. Забыла. Сейчас вспомню. Не помню, не помню.
- 01:41:51 **Ну ладно, может быть, потом вспомните.**
- Ну это под горами колхоз. Там природа неплохая была, горы, но кушать-то нечего было тогда. Люди гибли, много погибло тогда. Семьями есть погибли. У нас есть, был родственник, у него три сестры умерло, мать умерла, он один остался еще пацаном. Уже сюда вернулся, здесь, бедный, умер. Семьями умирали, потому что начинал[ась] дизентерия, тиф, малярия, вообще такое.
- 01:42:47 **Расскажите про то, как была жизнь в ссылке устроена.**
- Где?
- 01:42:53 **В ссылке жизнь как была устроена?**

Ну, как и у всех. Азиза работала в лаборатории в сахарном заводе. Исхак тоже там работал. Значит, получали какие-то денежки. И еще Азиза говорит: «Вот так сахар отшлифованный такой в халат положу — их же проверяли. — В халат положу, пройду». И приносила сахар. Сахар всё время был. Ничего, вот как-то спокойно жили в Казахстане. Спокойно. Даже маленький домик построили. То жили мы в полуподвальном помещении все, а потом отдельно построили маленький домик, в этом домике две, две, ну, одна комнатка и маленькая еще, всё.

01:44:05

А сколько вы пробыли в Киргизии и когда вас отправили в Казахстан?

А?

01:44:10

Сколько вы пробыли в Киргизии лет?

В Киргизии, вот пока она приехала, Азиза, по-моему, мы сразу переехали в Казахстан. Вот она добилась разрешения переехать. Ну, тогда что-то помягче стало, и переехали мы к маминей сестре и там жили.

01:44:37

Там уже получше стало?

Да, там получше стало. Вот в Мерке получше стало, конечно, спокойно. В школу пошли все. А то в Киргизии там в селе школы-то не было. Школы не было. Ничего не было, да.

01:44:55

А во сколько лет вы в школу пошли?

Это я уж не помню.

01:45:00

Взрослые уже, наверное.

Ну да. Так, я поступила в школу, в училище в 1949-м... Не помню.

01:45:22

Ну ладно. Хорошо. А в школе какие любимые предметы у вас были?

Я русский любила предмет, любила русский предмет, литературу любила. Это хорошая женщина такая, русская. А муж ее преподавал математику, географию. Хорошие люди были, да.

01:45:45

Ссылные?

Да.

01:45:48

Они тоже ссылные были?

Ссылные, ссылные. Все высланные там. Там, вот где мы жили, Меркенский район этот был, сахар[ный завод], там наша школа стояла, а рядом базар недалеко. Из окна видно там. Чечены всё время там дрались. Дерутся между собой, да, чеченов полно. Да. Там вот высланы чечены, ингуши, крымские татары, греки. Потом еще кто был? Немцы. Еще какие-то высланы были. Полно.

01:46:33

Кто вам был ближе?

Крымские татары: язык один был. У меня подруга была крымская татарка. Хорошая такая подруга.

01:46:46

А комендант кто был по национальности?

А комендант... А потом коменданта, когда Сталин умер, коменданта уже не было. Уже не было. Не было, не было. Коменданта не было.

01:47:01

А вы рассказывали про какую-то лужу или озеро? Что-то связанное?

А?

01:47:06

Вы рассказывали про озеро какое-то и лужу, про малярию начали рассказывать.

А! Малярия — это было вот где в Мерке мы жили [нрзб], там шла железная дорога, а вот тут вот почему-то было в болоте стояли комары, малярийные. И мы заболели. Азиза сильно болела тоже. Так сильно болела, что не знали, что делать. Это брат, киргиз говорит: «Знаешь что? Вот взять водку...» Вот забыла, что туда добавляли. «Что-то, — говорит, — добавляли. И ей надо сразу выпить, если она см[ожет]». Он говорит: «Она не сможет». «Ну надо выпить», — говорит. Заставили ее выпить. Она говорит: «Я вырвала, как жаба была желтая какая-то». И легче стало ей. А потом подсушили там, и не стало комаров. А там комары были, да. Ну что делать? Все болели первые годы. Тяжело было. От голода умирали. Это раз. От дизентерии дети умирали. Тиф пошел сыпной. А он вообще накрыл, прям очень много поумирало, сыпной тиф. Еще потом эта малярия была.

01:48:51

А с медициной что было там?

А?

01:48:53

С медициной что было там?

Медицина?

01:48:56

Да.

А! Я вам расскажу, почему у меня ноги болят. Вот с этой тетей мы пошли вот как раз в Мерке, в этом районе жили, на мельницу. Не знаю, не помню, какую мельницу. Мы шли что-то. А была жара. Там так жарко очень тоже бывало. А там всегда пыль вот такая вот, мелкая и горячая. А я босиком по этой пыли. А когда туда к мельнице [идешь], надо речку перейти, а речка горная. Она небольшая, вот так вот по бедро, я говорю: «Ну я-то перейду». А она вообще такая трусиха была, хоть и тетка. Я говорю, я перешла, она [говорит]: «Ой, я боюсь, она несется». Волны там такие. Я говорю: «Да что она там несется?» Вот я ее сумку перенесла, а потом ее перевела. И вот когда вышла, у меня болели кости. Кости болели, ломило. А вот через неделю я заболела. Опухли у меня ноги. Ну какого-то врача мама привела, он мне просто назначил аспирин. И всё. Никто не смотрел. Кому мы нужны были там? Никто не смотрел, никто ничего не делал. Мама старалась всякими средствами. И какую-то бабушку русскую привела, она там что-то шептала, что-то сыпала, ничего не помогло. Потом сказали, вот кто-то зарежет скотину, а в желудок надо поместить ноги, в горячий. Это сделали — не помогло. Я лежала и плакала, до того ноги болели. А потом кто-то маме сказал: надо новорожденного щенка отрубить голову и приложить. Вот особенно нога болела, стопа. Никто не захотел это делать. Ну кто? Мама сама это сделала. Приложила, облепила меня. Я говорю, терпела, терпела, я говорю: «Мама, убери. Убери, воняет». Она убрала, обмыла. И что вы думаете? У меня перестало болеть. Ну, ходить я целый год не могла и в школу не ходила, настолько болело. Целый год. Потом еле-еле встала. Вот в результате. По молодости лечила. И на море ездила, и работала, в санатории бесплатно всё делала, и ванны, и парафин, и грязи. Всё, что могла. Ну в результате к старости, посмотрите, что получается. Так болят, что ходить трудно. Вот так вот. Вот, пожалуйста, мне что дала высылка. Вот дала мне вот такую вот болячку. Ничего хорошего. Очень я болела тогда. Даже вот вспоминаю, сию и ногу с подушки поднять не могла, так плакала, такие боли были. Вот так вот. Вот и сейчас у меня отсюда начиная — сюда, отсюда начиная — сюда. Дергать начинает.

01:52:44

А вы часто вспоминаете те времена в ссылке? Часто вспоминаете те времена в ссылке?

Да вот вспоминаю вот это, от чего болячка у меня эта получилось. Это я помню хорошо. Остальное чего-то... В школу, помню. Всё нормально было, всё нормально в школе. В училище тоже нормально всё было.

01:53:08

Хорошо учились в школе?

Нормально, да. Я же говорю, я даже приемные экзамены сдала нормально. Меня приняли тогда. Учились.

01:53:21

А брат как жил в это время? Брат как жил в то время в ссылке?

Вот этот? Это вот они уже... А этот работал, он закончил университет на отлично. Работал... Железобетонный завод в Нальчике, начальником цеха. Хорошо работал, всегда хвалили, премию давали. Орден Красного Знамени ему дали за работу. Я говорю, до того... Трудового Красного Знамени, Трудового Красного Знамени. Но жена у него была неважная. Не хочу про нее говорить. Ничего хорошего.

01:54:12

А мама в каком году умерла?

Мама умерла в 1979 году.

01:54:19

Здесь, да?

Да, в 1979 году в Нальчике, в этой квартире в нашей хрущевке. Она неделю полежала и умерла. У нее инсульт был.

01:54:33

А мама про ссылку часто вспоминала потом?

Она всегда вспоминала своего сына.

01:54:43

Это больше всего ее волновало?

Я, между прочим, помню, показывали по телевизору фильм. Какая-то деревня, что интересно, женщина уже в пожилом возрасте вот так вот в окне. И дорога. И вот она смотрит. И там диктор говорит, называет ее фамилию: «Вот у этой женщины девять сыновей не вернулось с фронта, а она всё время на дорогу смотрит». Я говорю: «Господи». Вот она про него всё время вспоминала, бедный. Ну что ж теперь делать? Красавец. Она всё время его помнила, всё время этого помнила. Но этот умер потом. Он умер.

01:55:40

А самый близкий человек? Самым близким человеком кто для вас был?

Ну кто был? Мама. Он и она. И Азиза. Самый близкий — мама. Еще мамина сестра. И ее сын. Вот Фариза, это ее сын, отец ее. Так что нормально. Тоже близкие. Всю жизнь вместе жили тоже.

01:56:20

Помимо проблем со здоровьем, ссылка как-то изменила ваш характер?

Что?

01:56:29

Ссылка ваш характер как-то изменила?

Ничего. Что? Вот не поняла.

01:56:42

Характер, ваш личный характер.

А! У меня характер слишком мягкий. Слишком мягкий и спокойный. Надо покрепче быть. Вот она покрепче была. А я... И он такой же был. Брат.

01:57:14

Скажите, а как вам мама объясняла ваше положение? То, что вас отправили в ссылку. Вот вы же еще ребенком были. Вам мама как-то объясняла, что происходит? Тогда.

Вот то, что нас выслали? А что она могла объяснить? Она сама не знала, почему. Ну откуда? Говорит... Всё Сталина ругала. Я говорю, между прочим, не один Сталин виноват. Это и Берия виноват. Между прочим, они как хотели? Вот я читала, где-то я читала, что и Берия, и Сталин, и еще там, они хотели вот эти вот земли, там же рядом, Грузия рядом, выселить народ и вот эти земли присоединить к Грузии. Это они хотели сделать еще давно, в тридцать каком-то году. Но это тогда не получилось, причин не было. А причины теперь, когда после войны, дезертиры, абреки, такие-сякие, вот и всё. Ну присоединить не присоединили же, нет. Так я не помню.

01:58:44

Нет.

Нет.

01:58:46

Скажите, пожалуйста, были ли люди, которых предупреждали о том, что их будут выселять?

Я вам скажу, что интересно, кто-то, какая-то женщина, видно, кто-то у нее работал в КГБ или где, она сказала маме, что собираются выселять. А у мамы была посуда хорошая. Она говорит: «Давай эту посуду у меня положим, в случае чего тогда пусть сохранится». Ну короче говоря, она всю, вот он, бедный, таскал эту посуду, брат, ей. А когда мы вернулись, мы эту женщину не нашли и посуду не нашли. Короче говоря, она знала, а предупредить не предупредила, а просто себе урвала кусочек. Да.

01:59:53

А сколько времени вам дали тогда на сборы? Когда вот пришли...

Часа два, часа два. Два часа. Больше не давали. Часа два, по-моему, да. Еще он, этот лейтенантик, помогал. Говорит: «Часа два, поэтому машина стоит».

02:00:26

А как поступали с теми, кто не мог ехать? Ну, больные, лежащие люди, кто не мог...

Ну, видимо, на носилках заносили.

02:00:37

Даже так? Не оставляли никого?

Нет, нет, нет. Никого не оставляли. Даже вот показывают по телевизору вот это выселение, показывают, с сёл особенно — как преданная собака бежала до самого вокзала за машиной.

02:01:07

А в дороге какое было отношение конвоя к ссыльным?

Какие? Они откроют, что-то дадут, закрыли — и сами где-то бывают, не видела даже. Их особенно, туда же не зайдут они. Они не заходили. Не заходили, нет. Просто откроют, как это... этот вагон. Это же телячий вагон называется. Вот телячий вагон, открывается дверь, вот он то, что положено, давал тогда, не помню что, закрывал, и всё, его нет.

02:01:54

Ни окон, ничего там не было?

Нет. Нет.

02:01:57

Так вы в темноте столько ехали? В темноте, получается, ехали?

Ну да, в темноте. В темноте, там ничего, а откуда там свет? В темноте, да.

02:02:11

Страшно было?

Уже не было там... И страшно, и непонятно. Если бы возраст побольше был, понимал, а то везут неизвестно куда. Вот так. В этом колхозе столько змей было. Ой! Вот это вот такие, станут вот так вот. Змеи были, идешь по дорожке, змея вылезит. Это в том колхозе, Киргизия.

02:02:57

Не кусали никого?

Да! Я расскажу, когда нас поселили в этот домик, там несколько семей было. И кто-то принес, а там растет растение, а потом, когда высыхает, они как дрова вот эти вот. Кто-то принес, кто-то ходил и на спине принес, ну сколько, вот столько. И положил посередине. А оттуда змея вылезит. Ну давай, ее били-били, убили.

02:03:33

Не боялись, смогли сами убить?

Ну, как-то привыкали.

02:03:46

А были ли люди, которые ехали как-то отдельно, в других вагонах? Или весь поезд был с телячьими вагонами?

Весь поезд был. Других вагонов не было.

02:03:59

А были ли какие-то религиозные люди среди тех, кто ехал в вагоне?

Ну были, наверное. Были, конечно, сидели и молились. Были, конечно, и мама молилась. Она у нас и Коран читала. Мама читала Коран. Ну, сидят, сидят молятся, как... Ни умыться, ни подмыться. А для того чтобы помолиться, надо же чистым, и руки, и ноги, и лицо, умыться, всё это, как положено. А это никак. Ну, всё равно молились хоть так.

02:04:37

А туалет где был?

У меня двоюродная сестра когда ехала, говорит: «Фатя, а ты помнишь, мы с тобой в туалет сходили в какую-то шапку и выбросили в окно?» Я говорю: «Не помню, а ты помнишь?» «Я, — говорит, — помню». А что делать?

02:05:04

А спали где, как в вагоне?

Плакали все люди. Плакали. Прочитают, знаешь, плачут. Много это. Еще умирают же по дороге.

02:05:26

Когда один начинает плакать, и остальные, наверное, да?

Все остальные, конечно. Всем жалко, всем непонятно, куда, чего, зачем и почему.

02:05:35

А вопросы задавать нельзя?

А кому?

- 02:05:38 **Конвой не спросишь же, да?**
Да, конвой, он не разговаривает.
- 02:05:43 **А как спали? Спали как там?**
Ну, дети засыпали, взрослые вот плохо спали, видно. Там и спать-то негде было, куча такая.
- 02:05:59 **А когда вы приехали в Киргизию, вот какое она первое впечатление на вас произвела?**
Ну первое впечатление, нас привезли на это, на вокзале ты выгру[зился], потом на бричке и по этому колхозу. И там погода была жаркая, уже в там... К концу марта, наверное, приехали, вот я не помню, какого числа приехали, а там уже жара была. На бричках привезли.
- 02:06:42 **Вы обрадовались, наверное, что закончилась эта темнота?**
Ну, солнце... Что там радоваться было, там радоваться нечему было. Непонятно, куда, чего и кто здесь. Вот так.
- 02:06:58 **Сколько человек в комнате в доме жило?**
А?
- 02:07:01 **Вас поселили в дом, сколько там было комнат и как вы там жили?**
Там было раз, два, три. Три, поселили пять семей. А там крыша дырявая, дождь пошел, всё мокро. Ну, что-то такое.
- 02:07:25 **Быт как устроен был, там была хоть посуда, еще что-то?**
Ну, устроились. А мы жили, одна комната, там семья жила, вторая, а там еще казах с женой жил в комнатке, и мы рядом как-то жили. Ничего. Потом крышу этот казах залатал, вроде дождь, когда дождь, но там редко дождь шел, если пойдет, то мало.
- 02:08:03 **А случались ли там смешанные браки с местными людьми?**
Это уже потом, не сразу. А смешанных браков много, и сейчас там много смешанных браков, и за киргизами, и за казахами, за другими полно. Повыходили замуж, да.
- 02:08:23 **А вы в Бога верили?**
А?
- 02:08:25 **В Бога верите?**
Верю. А куда деваться? Верю, что делать.
- 02:08:34 **А с какого момента, вы с этим родились?**
У меня мама молилась, намаз делала, читала она по-арабски, а по-русски не читала, по-арабски читала. И у меня дома еще лежит Коранчик небольшой, который вот этот в Турции

был, привез, с тех пор.

02:09:13

А раскулаченные, откуда их привезли, раскулаченных, в ваше поселение? Не помните?

Не знаю. Я не спрашивала тогда, возраст такой был.

02:09:29

А балкарцы как-то поддерживали друг друга?

Конечно.

02:09:33

А в чем это проявлялось в ссылке?

Ну, понимаешь, дело в том, что балкарское население тоже разбросали по всему, и по Казахстану, и по Киргизии, не в одном же месте, в разных местах. Кто смог — соединился, кто не смог, так и сидел. А поддерживать как? Поддерживали.

02:10:03

А ссылка как-то повлияла на религиозность народа?

Наоборот, начали больше молиться.

02:10:14

А там как всё устроено было в ссылке в плане религии? Там люди всегда молились, там собирались или что-то, какие-то...

Ну, как молились. Когда там сам по себе молится, больше некуда идти. И всё.

02:10:42

А были ли там магазины, куда можно было ходить, или вам еду приносили в дом?

В дом? А! Ну тогда уже, когда мы поселились, посадили огород. Огород посадили, и картошку, и кукурузу. И всё было, ничего. Нормально.

02:11:05

А кто первое время вам помогал?

Никто.

02:11:08

Никто не помогал?

Я же говорю, в этом киргизском селе, когда дали муку, то половина была пыль вот эта вот. И всё, ее никто не стал кушать. Это была помощь такая. Такая помощь была. Ну, видишь, я говорю, то, что было, какое тряпье у мамы, она всё отдавала на еду, чтобы брать.

02:11:34

В чем ходили?

А?

02:11:35

В чем ходили? Что носили там?

А! Что было, то носили, я уже не помню, что носили. То, что сохранилось, видно. Я вам расскажу, семью одну. Там семья — мать и две сестры, по-моему, и брат. А те такие жадные, у них, видно, что-то было, они не меняли. У нас мама меняла на продукты, а она нет. А он... А этот их брат тайком у них воровал — и отдаст и что-то у киргизов получит. Мы еще детьми. Они его ищут, ругают, бьют его. Мы нашли его, такая яма вы[рыта], он туда залез, и такая вот —

четушки, помните? Есть такая бутылочка — четушечка, а там сливочное масло топленое, а он сидит в этой яме, вот так делает. Я говорю: «Тебя ищут». Он говорит: «Пускай ищут».

02:13:00

А вы когда-нибудь с одноклассниками обсуждали, что происходит в стране?

Нет, никогда.

02:13:07

Для вас эта тема была запретная?

В школе никогда ничего не обсуждали. В техникуме — там половина репрессированы. Чего с ними? Они сами такие. Половина репрессированные.

02:13:26

А как вы жили в палаточном лагере больше полугода?

А?

02:13:31

Когда вы вернулись в Нальчик, как вы жили в палаточном лагере больше чем полгода?

Да. Полгода, да, жили. Вот с марта месяца, пока уже холода начали, тогда мы на квартиру пошли. Квартиру сняли у кабардинца в Вольном Ауле. Есть такой Вольный Аул там. Вот там. Это так пришлось. Тогда Азиза работала, я работала на курорте немножко тоже тогда, что-то получали, всё это уходило. Тогда и продукты дешевле были. Не только...

02:14:22

А как вы думаете, почему некоторые репрессированные не хотят говорить о репрессиях? Вот уже сейчас, в наше время.

Не знаю, я знаю репрессированных родственников, я говорю: «Что, приходите в этот офис наш». — «А, для чего, не хочу я об этом думать». И всё. Есть такие, да, не хотят.

02:14:45

А как вы относитесь к формулировке «давайте не будем ворошить прошлое»?

Нет, прошлое надо ворошить. Прошлое надо ворошить, надо знать, что было, как было. Надо знать, конечно. Неприятно это всё, конечно, было, ну что, из памяти не выбросишь это.

02:15:12

А про свое детство часто вспоминаете сейчас?

А детство у меня такое было... Я же говорю, у нас двор был хороший. Мама старалась, тетя была рядом, брат, братья были рядом, сестра была рядом. Я помню, вот Азиза меня на руках несла из комнаты в кухню: «Будем арбуз кушать». Еще маленькая. Да, это приятно было, потому что у нас огородик был и садик был. Там сливы были, алыча была, яблочки, грушки. А двор весь в цветах у нас был. Сирень была разная. Сирень, и еще розы такие, знаете, которые плетутся, и много-много цветов. Вот это тоже было. Во дворе всё это было. Красота была такая.

02:16:20

А книги какие дома были?

А?

02:16:21

Книги какие были дома?

Книги? Ой, у нас книг много. Половину книг я Фаризе отдала, детские книги все. Есть книги, конечно, всякие.

02:16:33

Это те книги, которые сохранились из дома вашего?

Нет, что вы, это теперешние. Нет, что вы.

02:16:48

А вы участвуете в деятельности общества, вашей ассоциации жертв политических?..

А?

02:16:54

Вы участвуете в деятельности вашей Ассоциации жертв политических репрессий?

Да участвовала, как заболела, вот Азиза болела. Я редко хожу. И трудно мне ходить.

02:17:12

Как вы думаете, каким должен быть Музей истории ГУЛАГа?

О, ну там должно всё быть интересно. Начиная с Солженицына. Там всё интересно, конечно. Я вот как-то читала про Королева. Королев когда сидел в тюрьме, да, то проходит там кто-то мимо, там где-то, где он лежал, а он уже очень тяжело болел. А там спрашивают: «А кто там лежит?» — «Да там, — говорит, — лежит один инженер, очень больной, погибает». «Да ты что? — говорит. — Давай я посмотрю». Посмотрел, оказался знакомый этого Королева. Он сказал: «Немедленно, — он, видно, какой-то вес имел там, — немедленно его в санчасть». И вытащил его оттуда. Вот я прочитала это или в газете... Про Королева. Очень интересно, я говорю, вытащили Королева. Он узнал его, говорит: «Мы же вместе работали». И вытащил Королева в санчасть и постарался его вылечить.

02:18:37

А вам Солженицын или Шаламов ближе?

А?

02:18:40

Солженицын или Шаламов — ближе кто вам?

Вот Шаламова не знаю, Солженицына много читала.

02:18:47

Шаламова не читали, да? «Колымские рассказы» не читали?

Нет, не читала. Я Солженицына читала много, так вспоминаю, да.

02:19:00

Ну, вот то, что он описывает, вам кажется реалистичным?

Да. Да.